

Игорь МАСЛЕННИКОВ

Игорь Масленников родился и живет в Москве. Закончил Институт международных отношений. Рассказы публиковались в журналах «Волга», «Luterrатура», «Юность», «Дактиль» и др. Работа над этим рассказом велась в художественной резиденции Костомукиши.

ПЕРЕСЕЧКА

Рассказ

В забегаловке на выезде из черногорской деревни за одним столом сидела компания с двумя детьми, а за другим – старик в фирменном комбинезоне заправочной станции. Он отработал ночную смену и возвращался домой. Забегаловка только что открылась. Внутри не сидело никого, кроме компании, старика в комбинезоне и хозяина.

Старик был совершенно седой и с усами. Закинув ногу на ногу, он курил сигарету. Он был одним из тех людей, кому идет курить. Такие люди, как кажется, родились с сигаретой, прокурили всю жизнь, и табачный дым никогда не вредил им. Пока компания из четырех взрослых и двух детей ждала бутерброды и кофе, старик сделал три или четыре затяжки, не больше. Он потряхивал сигарету над пепельницей и смотрел то на кухню, то на компанию, то на проезжую часть.

Вы русские, спросил старик у компании. Его голос оказался глубоким и сильным, совсем не стариковским. Женщина посмеялась и сказала, что кто-то русский, а кто-то украинец. Добро, так и надо, сказал старик улыбаясь. Война отдельно, а простые люди отдельно. Мою семью прогнали из Боснии, когда там началась война, сказал старик. Потом мы пережили еще одну войну. Мы с женой давно живем здесь. Дети разъехались кто куда. Раньше это была глушь, а теперь здесь много туристов. Так и надо, политики занимаются своим делом, простые люди – своим. А война – ничего веселого, так старик закончил. Он говорил наполовину по-сербски, наполовину по-русски, просто и понятно. Он не был городским сумасшедшим, не стал надоедать компании, а просто затушил сигарету, сказал им «до виденья» и ушел.

Компания ехала делать пересечку – спустя месяц пересечь границу ближайшей страны, чтобы не нарушать миграционные правила, и сразу вернуться обратно. Всего в машине ехало шесть человек.

За рулем сидел мужчина из Одессы, сзади – его вторая жена и их приемная дочь. Мужчина еще до войны заключил в Одессе сделку, которую не смог закончить и по которой остался должен денег. Семья сбежала сначала в Испанию, потом сюда. Теперь они снимали этаж в доме у черногорских пенсионеров, мужчина за деньги возил людей через границу. В этот раз всей семье, кроме маленького ребенка, тоже надо было сделать пересечку. Ребенка они до вечера оставили на хозяев дома.

На заднем сиденье ехали молодая разведенная женщина из Краснодара с сыном. Она много лет жила за границей, в основном в южных странах. Она любила, когда в разговорах ее называют цифровой кочевницей, но после развода она толком ни с кем не встречалась и иногда думала, что так и будет до старости мотаться по белому свету, по красивым приморским городам.

На переднем пассажирском сиденье ехал журналист из Петербурга. Он перед самой войной приехал вступить во владение квартирой, которая принадлежала его умершему отцу. Отец умер перед самой эпидемией ковида, и журналист только теперь смог заняться квартирой.

Компания доела свои бутерброды и расплатилась. Машина поехала на выезд из города, по узкой улице с пустующими магазинами. Их пыльные стекла были разрисованы детскими пальцами. Улицу пересекал мелкий забетонированный канал. Водитель остановился у последнего городского светофора. На пешеходном островке посередине дороги девочка с рюкзаком зевала и надувала пузырь из жвачки. Пузырь лопнул и облепил ее губы. Девочка всосала его в рот, продолжила лениво жевать. Она стояла и ждала светофора, как и компания в машине. Она, скорее всего, шла в школу.

Все в машине думали о словах старика в комбине зоне. Он говорил так, как будто война – это что-то самое обычное, и не надо из-за нее обижаться друг на друга. Война обязательно будет происходить, хочет он того или нет, так считал старик. Ничего никогда не изменится. Если сейчас в Черногории не идет резня, то только потому, что ее время еще не настало. Старик привык к войне, а они – нет. Война появилась в их жизни первый раз.

По правой обочине шагала пьяница. Он качнулся и сделал шаг на дорогу, и тогда водитель резко повернул руль, чтобы обогнуть его. Пьяница не оборачиваясь успел показать ладонью: все в порядке. Его шея была красной. Местные с утра ходят в кафе, пьют там кофе и ракию, сказал водитель. Кафе для местных имели названия наподобие «Интернациональ» или «Элит». Такие располагались не у набережных, как кафе для туристов, а на углах домов, рядом с обычными подъездами. Они были маленькими и походили на пивнухи. Местные с утра выпивали, курили и обсуждали войну. Она увлекала их, и постоянно звучало «русия», «украина», «нато», «атомска бомба». Потом мужчины шли работать, а старики шатались разбредались по улицам. Первые две недели не только в кафе, но и в забегаловках, парикмахерских и на рынке все только и говорили, что про войну, но позже она наскучила.

Не знаю, как вам, а мне кажется, что это все похоже на Крым, сказал водитель. А вам, спросил он журналиста. Тот не расслышал. Жена водителя переспросила его. Да, похоже, сказал журналист, сухие горы, и цвет моря, во многом похоже. По-моему, здесь море бирюзовей и прозрачней, чем в Крыму, сказала жена водителя, даже чем в Симеизе.

Машина проезжала насквозь прибрежные курортные деревни. Они располагались на узких полосах земли между горами и морем. Из-под днища машины раздавался стук. Постукивало у переднего левого колеса, где-то в ногах у водителя. Водитель остановился на ближайшем кармане, пассажиры вышли размяться. На бойком месте на набережной, где уже гуляли люди, цыганский мальчик пел и барабанил по пластиковому ведру, а перед ним стояла картонная коробка роз на продажу. Водитель привык видеть мальчика на этом месте каждый раз, когда отвозил людей. Это поселок миллионеров, сказал водитель. Тут очень дорогая недвижимость, от миллиона и выше. Наверное, переплачивают за эксклюзивность, сказала путешественница из Краснодара. Как по мне, так ничего особенного, сказала жена водителя, поселок как поселок.

В тот день вышло солнце, а небо было без облачка. У всех было приподнятое настроение – такое, как будто можно все сделать, успеть и исправить.

До этого несколько дней шел дождь, и говорили, что он будет идти до конца недели. Тучи, наползавшие с гор на деревню, закрывали крыши дальних домов и даже

верхушку башенного крана. На окраинах деревни вдоль трассы и железной дороги стояли сухие заросли прошлогоднего бамбука. В пасмурных сумерках серые стебли, высотой в два или три человеческих роста, казались стенами призрачного замка. Из-за дождя цыгане перестали стоять в дверях супермаркета. Цыгане всегда ходили особняком. Их дети играли в волейбол у общественных зданий. Взрослые стояли полукругом под деревом и показывали друг другу какие-то вещи, сложенные на электрической тумбе, или по двое ездили на мопедах, или просто подолгу курили в стороне и куда-то смотрели. Старухи сидели на тротуаре и хриплым голосом просили милостыню.

Петербургский журналист прошлой ночью не мог заснуть и долго ходил по набережной. Он сидел на бетонной площадке на перевернутом пластмассовом ящике из-под кока-колы. Справа на берегу чернел силуэт большой сосны, наклонившейся над морем. По очертаниям дерева было видно, что это сосна. Левее от нее небо и море темнели и темнели. Еще левее небо застилала косая черная завеса – это над морем шел дождь. Еще левее, над головой журналиста висела луна в сплошной облачности – как бледное пятно. На земле рядом с ним лежала опрокинутая смотровая вышка из серых бревен. Волны накатывали и накатывали. С тех пор, как началась война, я не могу ничему радоваться, думал журналист. Это как когда я болел ковидом и перестал чувствовать запахи. То же самое, но теперь я не могу чувствовать радость. Когда началась война, у журналиста до крови растрескались губы, а из груди появилось и не уходило тяжелое сжимающее чувство. Кроме того, журналист подозревал, что его хотят обмануть адвокаты, которые занимались наследственным делом. Он волновался из-за этого тоже.

Путешественница из Краснодара прошлой ночью проснулась от шума, глухих повторяющихся ударов. Она поднялась на кровати и увидела, что занавешенную стеклянную дверь заполняет желтый свет. Она открыла рот от страха. Это взрывы, ракетные удары, подумала женщина, и уже что-то горит? Или это военные корабли, которые я видела на пристани, что-то сбили, и оно упало и загорелось? Эта страна входит в НАТО – значит, война мировая, подумала она. Желтый свет мерцал сквозь занавеску. Через минуту она пришла в себя. Шумел оторвавшийся карниз у соседей сверху, а свет шел от уличных фонарей через дорогу. Сын женщины спал на диване со включенным ноутбуком.

Семья с Украины проснулась прошлой ночью, когда их приемная дочь заплакала во сне. Она лежала в детской комнате и не могла объяснить им, почему плачет. Они взяли ее из детдома до рождения собственного сына. Они смирились с тем, что у них не будет детей, но женщина смогла забеременеть после очередной попытки ЭКО. У приемной дочери было легкое умственное отставание, она плохо говорила, после детдома осталась замкнутой и раздражительной. Она не чувствовала себя дочерью этой пары. Скорее, они были ей старшими друзьями, не всегда ласковыми и справедливыми. Она чувствовала, что приемные родители охладели к ней после того, как у них родился собственный ребенок. Они планировали заработать денег и снова попробовать ЭКО. Женщина хотела еще одного ребенка.

Водитель обошел машину кругом, осмотрел колесо, поштал его ногой, но не нашел ничего странного. Машина поехала дальше по серпантину. Девочка на заднем сиденье поджала ноги и уперлась коленями в переднее пассажирское кресло. Ее колени упирались через кресло в спину журналиста. Он посмотрел на девочку в боковое зеркало. Отсюда, плюс-минус, семьсот километров до Венеции, сказала жена водителя. Мы уже проехали больше сотни. Хорватия, Словения – и потом Италия. А как обстоит дело с

выездом с Украины в другие страны, спросила путешественница. Жена водителя сказала, что невоеннообязанные могут выехать даже по фотографии любого документа. Скоро будет месяц, как война началась, добавила она. Пусть политики сами разбираются и заканчивают эту войну, сказал сын путешественницы с заднего сиденья. Политика – это когда люди пытаются договориться, сказала жена водителя, а у нас идет бомбежка мирных городов. Мы не политики и не военные стратеги, чтобы решать, сказал сын путешественницы. Еще неизвестно, кто прав, кто неправ. Все подумали, что мальчик пересказывает слова, которые услышал от своей мамы. Путешественница из Краснодара поняла это и покраснела. Если погибают мирные жители, это же не может быть правдой, сказала жена водителя. Это потому, что украинский президент прячет военные объекты среди мирных жителей. Поэтому бомбить будут по городам, продолжал мальчик. Школа искусств – это военный объект, спросил водитель. Ему и жене кровь ударила в голову, но они не подавали вида. Пока еще не изобрели идеальное наводящееся оружие, и украинская армия тоже бомбит мирных жителей, сказал мальчик. Еще все это ужасно скажется на экономике – путешественница из Краснодара попыталась перевести тему разговора.

Снова послышался стук из-под днища автомобиля. Водитель съехал на обочину, и пассажиры вышли подышать воздухом. Журналист отошел в сторону и облокотился о защитные перила перед обрывом. На пустом пляже тлела большая куча сухих веток и мусора. На гальку накатывали волны, и пена тушила тлеющие угли. Куча дымила. Девочка встала рядом и тоже облокотилась о перила. Водитель достал телефон и позвонил в агентство, где арендовал машину. Он спросил, может ли машина быть неисправна. Машина недавно прошла ТО, сказали ему, все должно быть в порядке.

Дальше снова начался серпантин. По левую руку было море, а по правую – скалы. На верхушках нескольких гор виднелись снеговые шапки. Разговор о войне не испортил общего счастливого настроения. Всем казалось, что они едут по этой дороге уже целую вечность. Я хочу мира на Украине, задумался журналист, но еще я хочу жить в теплой стране наподобие этой, где-то поближе к природе, и не быть одиноким, и чтобы рядом была девушка, и чтобы работа была интересной.

Мальчику на заднем сиденье стало плохо, и он попросил открыть окно. Жена водителя предложила ему яблоко, но мальчик помотал головой. Ему открыли окно, и свежий ветер выгнал из салона кондиционированный воздух. Обычно это мне становится плохо, сказала путешественница из Краснодара, а тут вот сыну плохо. Для вестибулярного аппарата боковые колебания – хуже всего, сказал водитель. Мальчику надо развивать вестибулярный аппарат.

На одном холме стояла метеостанция с высокой антенной, а внизу, в долине виднелось идеальное хозяйство, разделенное забором на участки. Один участок с маслинами, другой овечьё пастбище, третий с амбаром, и так далее. На другом холме стояла недостроенная бетонная коробка в три этажа. По лестницам, как по скалам, ходили козы. Когда машина проехала, козы повернули головы вбок, чтобы разглядеть ее. За следующим холмом снова показалось море. Когда открылся вид на море, у всех в машине снова замерло дыхание, хотя они видели его пятнадцать минут назад. Водитель повернул влево на резком повороте. Все гайки, на которых держалось переднее левое колесо, разом срезало. Колесо покатило в сторону. Машина завалилась влево, перескочила отбойник и полетела с обрыва. Она приземлилась на крышу, еще раз перекувырнулась на земле и остановилась.

Пассажиры мгновенно погибли, когда машина билась о скалы. Водитель отстегнулся, вылез через разбитое окно и прополз несколько метров по песку, волоча за собой ноги. Кровь из его ран смешивалась с песком и превращалась в кашицу. Водитель обернулся на перевернутую машину, упал без сознания и тоже умер.

Машина не загорелась и не была видна с дороги. По тем скалам ходили только козы, которые к вечеру без пастуха возвращались в загон. Людей из машины хватились только через несколько дней, а через неделю их нашли. Механик, который занимался машиной, не до конца закрутил гайки на одном колесе. Когда он закручивал их пневматическим ключом, в его кармане прозвенел смартфон. После разговора он забыл про наживленные гайки и занялся другим делом.